УДК 821.161.1 https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.3(36).278-281

Ю.А.Еремеева

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК ОСОБАЯ «ФОРМА РЕЛИГИОЗНОСТИ» (Л.И.БОРОДИН)

Л.И.Бородин в своих произведениях говорил о сакральной природе слова, о бережном к нему отношении. Художественное видение автора направлено на раскрытие связи земного мира с Горним. В статье исследуются представления Л.И.Бородина о сущности творчества, его целях и задачах.

Ключевые слова: Л.И.Бородин, духовное творчество, церковное искусство, публицистическая поэзия

Вопросы о смысле творчества, о природе поэтического творчества, о назначении поэта и роли его поэзии находят отклик в художественных и философских произведениях Л.И.Бородина.

Так, в нижеприведенном стихотворении «Смысл творчества» писатель обращается к вопросу, поднятому Н.А.Бердяевым в одноименной работе. В ней, подходя к творческому процессу с религиозной точки зрения, философ первой половины XX века говорит о неоправданности постановки вопроса о процессе творчества «с точки зрения религии искупления». По мнению Н.А.Бердяева, «для дела искупления и спасения можно обойтись без творчества. Но для царства Божьего творчество человека необходимо» [1, с. 463]. При этом религиозный философ обращает внимание, что изначально творческий акт в чистоте своей направлен на преображение, на новое бытие, «но в условиях падшего мира он отяжелевает, притягивает вниз, подчиняется необходимому заказу, он создает не новую жизнь, а культурные продукты большего или меньшего совершенства» [1, с. 463].

Л.И.Бородин в своем рукописном эссе «О Н.А.Бердяеве и особенностях русской философии», хранящемся в архиве Российской государственной библиотеки, отмечает, что уникальность отечественной философии в осмыслении «мира не просто с позиции религии, в данном случае, христианства, а исключительно через (“через” подчеркнуто автором. — *Ю.Е.*) христианство, как бы вглядываясь в глаза Творца — познавать, в силу способности твари смысл творения» [2, л. 27]. Продолжая, автор эссе подчеркивает, что «истину знает Бог, нам же <…> завещано быть самими собой и нести за это ответственность, ибо быть никем, значит ни за что на свете не отвечать» [2, л. 29]. По мнению Л.И.Бородина, «сохранение своего, особенного — это путь творчества. Подлинное духовное творчество — <…> акты прорыва из царства материи к Идеалу, это устремленность к недостижимому, это касание его, которое именуется благодатью» [2, л. 27].

В связи с вышеизложенным интересно суждение, приведенное Л.И.Бородиным в автобиографическом повествовании «Без выбора» (как существующее, но им самим не поддерживаемое) о том, что «культура как совокупность творческого продукта люциферична по определению» [3, с. 413]. Эта мысль продолжена в стихотворении «Смысл творчества»:

Когда в соблазнах вязнет вера,
А сны возмездия страшны,
Я в *колесницу Люцифера*
Впрягаюсь сотым *пристяжным.*
Мой Пегасенок хил и срамен,
Но все ж Пегас, а не ишак.
И я, бодрюсь, чеканю шаг.
Неслышный в общей фонограмме,
В упряжке краски, звуки, строки
Все густоплодие веков:
Таланты, гении, пророки
Пяти земных материков.
И мне ль не честь. Я горд и пылок,
И пьян тщеславьем без вина…
К бичу отзывчива спина.
К печали Бога глух затылок.
Пегасы ржут — под хвост вожжа им!
Блажь *люциферовских* веков:
Творим, вещаем, восхищаем,
Освобождаем от оков…
Грехи мои стыдны и тяжки.
Добра от худа не ищи…
Но больно бдителен Ямщик,
Чтоб *отстегнуться* от упряжки.
Благоговейно в жилах стынет
Кровь на могучий, властный зык.

Бичом надежд, бичом гордыни
Вновь подстрекается язык.
Страстям словесного улова
Цена щедрей день ото дня.
А в гроб с собой возьмем три слова:
Помилуй,
Господи,
меня! (Курсив мой. — *Ю.Е.*) [4, с. 68].

Стихотворение «Смысл творчества» вошло в поэтический сборник писателя «Изломы» (1992), а также во второй том собрания сочинений (2013). Поднятой в нем темой — подчинения творческого процесса служению земным идеалам — Л.И.Бородин вступает в диалог с предшественниками.

Так, например, А.С.Пушкин в стихотворении «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824) вывел формулу, которой начинало измеряться отношение к творчеству в век классика: «Не продается вдохновенье, / Но можно рукопись продать» [5, с. 194] и продолжает, как видим из строк, написанных Л.И.Бородиным, определяться в последующих: «Бичом надежд, бичом гордыни / Вновь подстрекается язык. / Страстям словесного улова / Цена щедрей день ото дня». В своем стихотворении писатель XX века говорит о творчестве на потребу личным, «приземленным» амбициям. Причем перекличка с произведениями А.С.Пушкина происходит не только на уровне темы и поднятых проблем, но и на уровне прямых реминисценций, которые используются автором для обострения высказанного суждения. Сравним: «Поэт казнит, поэт венчает», «Оковы тяжкие падут» у классика XIX века и «Творим, вещаем, восхищаем, / Освобождаем от оков» у Л.И.Бородина. Но если у А.С.Пушкина поэт в одноименном стихотворении «Тоскует <…> в забавах мира. / Людской чуждается молвы…» [6, с. 21], т.е. ищет уединения, чтобы постичь «божественный глагол», ему претит всякое внимание света с его условностями и ложными ценностями, — то писатель XX века демонстрирует в своем стихотворении, как святая лира поставлена на служение неприемлемым для истинного творца дьявольским наваждениям.

Следует отметить идейно-нравственную взаимосвязь суждений Л.И.Бородина с воззрениями Н.В.Гоголя, который обращался к теме творчества как религиозной ценности и в своих художественных произведениях, и в своих духовных письмах. Так, в повести «Портрет» рассматривается проблема противостояния ремесла искусству. В ней прозаик, сопоставляя жизни двух героев-художников, доказывает: творчество — дело духовное, в нём нет места тщеславию. Писатель XIX века пытается раскрыть в произведении взаимосвязь искусства и религии: «Спасай чистоту души своей. Кто заключил в себе талант, тот чище всех должен быть душою» [7, с. 117].

А.В.Моторин в монографии «Теория русской словесности» отмечает, что писатели-мистики, в частности Н.В.Гоголь, «считали особенно ценным и редкостным это дарованное свыше право и дерзновение быть “гласом Божьим”. <…> Мистик избегает передавать свой духовный опыт другим людям без особой на то необходимости, без внушения свыше, без временной выдержки, проверки» [8, с. 95]. По мнению ученого, художник «прежде всего <…> должен творить собственную душу как богоподобную <…> достигающий совершенства в самосозидании получает от Бога силу и власть творчески привносить новые смыслы, явления и вещи в мир и уже вследствие этого непрямо, ненасильственно, не лишая свободы выбора, воздействовать на души других людей, каждый из которых также призван быть художником в своем роде» [8, с. 236]. И действительно, в своем письме «О том, что такое слово» автор «Портрета» говорит: «Все великие воспитатели людей налагали долгое молчание именно на тех, которые владели даром слова, именно в те поры и в то время, когда больше всего хотелось им пощеголять словом и рвалась душа сказать даже много полезного людям. Они слышали, как можно опозорить то, что стремишься возвысить» [7, с. 189].

Л.И.Бородин, опираясь на опыт предшественников, осмысливая его, развивает традиции, заложенные классиками, формирует систему ценностных ориентиров актуальных в нынешнее время, в рукописном эссе «О поэзии», хранящемся в РГБ, он говорит, что «поэтический талант не есть способность к образному мышлению, это особая форма религиозности, когда не только объект, но и мысль об объекте воспринимается чувством трепетно <…>, взволнованность чувства находит адекватное себе выражение в поэтических формах, <…> что, наконец, та, особая “религиозность” мировосприятия, о чем уже говорилось, не “вечный дар”, она утрачиваема по мере увядания индивидуальности, по мере “стандартизации” ее хотя бы по одному из личностных критериев; что процессу этому должно сопротивляться» [9, л. 2]. Писатель в собственных произведений демонстрирует бережное отношения к слову, говорит о постоянной обязанности осознания автором его исконного смысла, о том, что земное творчество должно стать духовным развитием писателя.

Также Л.И.Бородин в своих публицистических произведениях не раз касался темы творчества в контексте существующей большую часть XX века советской идеологии. Например, в одной из глав автобиографического повествования «Без выбора» писатель говорит о влияние на поведение людей малохудожественной «социально ангажированной» литературы, указывает на ее исключительную политизированность «на потребу победившей в России идеологии» [3, с. 410]. В эссе «О поэзии» Л.И.Бородин также обращает внимание на появления в современной ему действительности некоего нового жанра, названного В.В.Кожиновым «публицистической поэзией», но «от поэзии, как таковой, свободного» [9, л. 2]. Писатель в автографе отмечает несовпадение понятий «поэтической гражданственности» и «социальной актуальности», итогом чего является «вырождение» поэзии. Причем, по мнению автора XX века, «пошлость и

“антипоэзия” вызрели в самой вершине пирамиды “союза поэтов”» [9, л. 2]. Л.И.Бородин находит объяснение данному процессу в том, что поколение молодых поэтов, пришедшее в литературу в пятидесятые годы XX века, в своих попытках откликаться на повседневность, «не выдержало испытания искушения гражданственности». И как итог «поэтическая форма оказалась вторичной». Содержание же «публицистической поэзии не отличалось глубиной <…> кормилось конъюнктурной полуправдой», поэтому «содержание и форма оказались в соответствии друг с другом: двусмысленная, лукавая призывность и неряшливая форма» [9, л. 2]. Автор эссе отмечает, что, имитируя поэзию и имитируя гражданственность, поэты на самом деле занимаются «откликушеством». «Пошлостью оборачивается тема, <…> пóшло кривляние словом, пóшла демонстративная небрежность в рифмовании, рифма — пóшла. Пошлость, написанная с большой буквы и вставленная в рамочку из пошлых виньеток» [9, л. 5], — резюмирует Л.И.Бородин.

Таким образом, высказывая критическое отношение к публицистичности в поэзии, её привязанности к сиюминутной злободневности, Л.И.Бородин демонстрирует свою приверженность к традиционным для русской поэзии темам, классическим традициям в творчестве. Автор эссе в очередной раз доказывает, что для него писательский долг заключается в безусловном служении слову и своему призванию.

Церковное искусство как испытание, как отражение духовного мира человека, проявляющееся в его творческой деятельности, также становится предметом исследования писателя, о чём свидетельствуют записи, хранящиеся в архиве РГБ. В них автор пытается найти ответы на вопросы: «Каким должно быть церковное искусство? Должно ли вообще быть церковное искусство? Правомерно ли оно? Не есть ли оно по сути и средствам заземление религиозного сознания?» [10, л. 6]. Пробуя ответить на поставленные вопросы, Л.И.Бородин выделяет две составляющие человека — плоть и дух. Обращая внимание на временность и конечность плоти, писатель приходит к выводу, что «духом он [человек] с Богом, плотью от Бога». Принятие своего плотского начала «как необходимого средства, для бытия духа» является восприятием «Истины, <…> Идеала, суть Бога». Знание же Бога, по мнению Л.И.Бородина «дается человеку в редчайшие минуты <…> отчетливого ощущения своего духа, той микрочастицы Бога, которая в нас от создания, но которая бесконечно мала и качественно, и количественно по отношению к Целому» [10, л. 6].

Не давая однозначного ответа на поставленные вопросы, писатель ищет доводы в пользу того или иного обоснования. «Заземленность человека, его греховность делает невозможным познание Бога во всем его качестве», — утверждает автор. В то же время «то, что в человеке родственно Богу <…> дает возможность узнавать следы Бога в окружающем человека мире», и «если в какой-то мере можно говорить о своеобразном инструменте познания или узнавания Бога, то непременно нужно признавать, что инструмент этот глубоко субъективен, индивидуализирован и определен целым комплексом условий», — подытоживает Л.И.Бородин, приходя к выводу, что «человек всегда в ситуации, которая не просто феномен для разума, но и часть его самого», поэтому «все действия человека в духовной сфере непременно окрашиваются характером данной персональной ситуации, которая, в свою очередь, складывается из массы компонентов»[10, л. 7].

В контексте размышлений писателя о природе творчества как духовной ценности обращает на себя внимание признание Л.И.Бородина в том, что он сам «ни разу публично не назвался, не представился писателем и слово “творчество” применительно к себе не употребил», что слово “писатель” для него «и ныне, когда и сам [он] так или иначе “пишущий”, душой воспринимается <…> как явление особенное, обязывающее к уважению». «Сам себя рядом с этим “особенным” ощущаю любителем, экспериментатором» [3, с. 414], — резюмирует Л.И.Бородин.

Так, через рассуждения о границах божественного и человеческого в творчестве, о предназначении искусства писатель реализует мысль о том, что целеполаганием автора художественного произведения должно быть осознание им призвания служить истине, т.е. о созидании с Богом, о взаимообусловленности мистического опыта и художественных интенций: «Главная цель любого искусства — разгадка тайны сотворения и тайны человеческого бытия» [11, с. 600]. При этом, по мнению писателя, в культуре «заложено люциферовское начало», таящее массу искушений: зависть, гордыню, из-за чего «появляются всевозможные нравственно-эстетические извращения», и если «писатель или художник искажает образ Божий или человеческий <…> идя к чему-то новаторскому, <…> то это не только грех, но и свидетельство его творческого бесплодия и неспособности постичь подлинную красоту мира» [11, с. 600].

1. Бердяев Н. Самопознание: Сочинения. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: «Фолио», 1997. 624 с.
2. Бородин Л.И. О Н.А.Бердяеве и особенностях русской философии — эссе // РГБ. Ф. 926 (Л.И.Бородин). Картон 3. Ед. хр. 11.
3. Бородин Л.И. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М.: Издательство журнала «Москва», 2013. 592 с.
4. Бородин Л.И. Изломы. Стихотворения. М.: Русло, 1992. 76 с.
5. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Стихотворения 1820—1826. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1950. 464 с.
6. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 3. Стихотворения 1827—1836 годов. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1950. 552 с.
7. Гоголь Н.В. История моей души. Книга третья: Петербургские повести. Духовная проза. Из незавершенного / Сост., коммент. В.А.Воропаева. М.: Парад, 2007. 664 с.
8. Моторин А.В. Теория русской словесности: монография. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2013. 300 с.
9. Бородин Л.И. О поэзии — эссе // РГБ. Ф. 926 (Л.И.Бородин). Картон 3. Ед. хр. 12.
10. Бородин Л.И. Блокнот с записями творческого характера // РГБ. Ф. 926 (Л.И.Бородин). Картон 4. Ед. хр. 2.
11. Николаевы Ольга и Александр. «Наше общество развращено неверием» (интервью с Бородиным Л.И.) // Бородин Л.И. Собр. соч.: В 7 т. Т. 7. Публицистика. М.: Издательство журнала «Москва», 2013. С. 591-600.

References

1. Berdyaev N. Samopoznanie: Sochineniya [Self-Knowledge: An Essay in Autobiography]. Moscow; Khar'kov, 1997. 624 p.
2. Borodin L.I. O N.A.Berdyaeve i osobennostyakh russkoy filosofii — esse [On N.A. Berdyaev and the Peculiarities of Russian Philosophy - Essays]. RGB, F. 926 (L.I.Borodin), Karton 3, Ed. khr. 11.
3. Borodin L.I. Works in 7 vols, vol. 6. Moscow, 2013. 592 p.
4. Borodin L.I. Izlomy. Stikhotvoreniya [Fractures. Poems.]. Moscow, 1992. 76 p.
5. Pushkin A.S. Complete works in 10 vols, vol. 2. Stikhotvoreniya 1820—1826 [Poems 1820—1826]. Moscow; Leningrad, 1950. 464 p.
6. Pushkin A.S. Complete works in 10 vols, vol. 3. Stikhotvoreniya 1827—1836 godov [Poems 1827—1836]. Moscow; Leningrad, 1950. 552 p.
7. Gogol' N.V. Istoriya moey dushi. Kniga tret'ya: Peterburgskie povesti. Dukhovnaya proza. Iz nezavershennogo / Sost., komment. V.A.Voropaeva [Story of My Soul. Book Three: Petersburg Stories. Spiritual prose. Incomplete work]. Moscow, 2007. 664 p.
8. Motorin A.V. Teoriya russkoy slovesnosti: monografiya [Theory of Russian literature: a monograph]. Velikiy Novgorod, 2013. 300 p.
9. Borodin L.I. O poezii — esse [About poetry — an essay]. RGB, F. 926 (L.I.Borodin), Karton 3, Ed. khr. 12.
10. Borodin L.I. Bloknot s zapisyami tvorcheskogo kharaktera [Notebook with creative notes]. RGB, F. 926 (L.I.Borodin), Karton 4, Ed. khr. 2.
11. Nikolaevy Ol'ga i Aleksandr. "Nashe obshchestvo razvrashcheno neveriem" (interv'yu s Borodinym L.I.) ['Our society is corrupted by unbelief' (interview with L.I. Borodin)]. Borodin L.I. Works in 7 vols, vol. 7. Publitsistika. Moscow, 2013, pp. 591-600.

Eremeyeva Yu.A. Literary creativity as a special "form of religiosity" (L.I.Borodin). L.I.Borodin in his works spoke about the sacred nature of the word, about the careful attitude to it. The artistic vision of the author is aimed at revealing the connection of the earthly world with the Upper world. The article attempts to explore the ideas of L.I.Borodin about the essence of creativity, its goals and objectives.

Keywords: L.I.Borodin, spiritual creativity, church art, journalistic poetry.

Сведения об авторе. Юлия Александровна Еремеева — соискатель кафедры русской литературы XX века, преподаватель структурного подразделения Гжельского государственного университета; ORDID: 0000-0002-3802-5356; yul.eremeewa@yandex.ru..

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.02.2021. Принята к публикации 15.03.2021.

Ссылка на эту статью: Еремеева Ю.А. Литературное творчество как особая «форма религиозности» (Л.И.Бородин) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 3(36). С. 278-281. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.3(36).278-281

For citation: Eremeyeva Yu.A. Literary creativity as a special "form of religiosity" (L.I.Borodin). Memoirs of NovSU, 2021, no. 3(36), pp. 278-281. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.3(36).278-281